

ВОСКРЕСНАЯ ПАНОРАМА

ЗНАКОМСТВА И ВСТРЕЧИ

КИНОГЕРОИ АЛЕКСЕЯ БАТАЛОВА

Народного артиста СССР Алексея Владимировича Баталова и критики, и зрители заметили сразу. Он появлялся на экране часто, но его популярность ширилась отнюдь не за счет количества ролей. Баталов-актер счастливо соединил в своем творчестве традиции русской сценической культуры (он принадлежит к знаменитой династии, украшавшей Московский Художественный театр) с неповторимой индивидуальностью. Диапазон его ролей широк: образы современников, герсы русской и советской классики. Он же — постановщик фильмов «Шинель» (по повести Гоголя), «Игрок» (по роману Достоевского) и других. А. В. Баталов — секретарь Союза кинематографистов СССР, профессор Института кинематографии. Он много работает в «театре без сцены» — на радио, его перу принадлежат книги, посвященные проблемам киноискусства.

Журналист Г. Масловский встретился с Алексеем Баталовым и попросил его ответить на несколько вопросов.

— Секреты популярности актера, как мне кажется, определяют три фактора: талант, обаяние личности и образы, которые он создает. Наличие двух элементов (в любом сочетании) уже достаточно, чтобы привлечь внимание зрителей, а соединение трех обеспечивает прочную любовь публики. Я думаю, что вы — счастливый обладатель такого триединства...

— Вам, журналистам, виднее. Я о такой формуле, честно говоря, не думал, но полагаю, что для актера важнее всего роли, которые ему выпадает сыграть. А зрительская любовь в основном принадлежит героям, которых мы делаем (пытаемся, по крайней мере, делать) живыми, близкими нашим современникам.

— У ваших экранных персонажей есть одна общая особенность: все они люди, как принято говорить, простые, ничем не выдающиеся. Вспомним хотя бы рабочего Алексея Журбина (фильм «Большая семья») — первую вашу роль, сыгранную еще в 1954 году... С другой стороны, все эти люди — представители своего времени. Они соотносят себя с теми, кто их окружает, с делом, к которому они призваны, с временем, в котором живут, с собственной совестью, наконец. Компромиссы для них невозможны. Не будет ошибкой, если скажу, что бескомпромиссность, нравственный максимализм — ваша актерская тема.

— Это тема, с которой пришло в киноискусство мое поколение. Поколение, которое коснулось войны. К нему напрямую принадлежат те, кто видел смерть в бою, кто знает горечь потерь и радость встреч, кто на себе испытал лишения. Мы были подростками в то время. Наши отцы и старшие братья воевали, потом те, кто остался в живых, восстанавливали разрушенное, создавая многое заново. Слишком

трудное было время, слишком тяжело мы жили, чтобы не разобратся, что хорошо, что плохо. Все это относится и к моим героям: они в основном люди моего поколения.

Для меня все они разные: у каждого своя профессия, круг интересов, темперамент, привычки, манеры, вкусы. Но вы правы — одна черта их роднит: все они в какой-то степени максималисты. В том смысле, что половинчатые решения, компромиссы, покорность обстоятельствам или чужой воле противны любому из них.

Заводской рабочий Алексей Журбин и шофер Александр Румянцев (фильм «Дело Румянцева») упорно отстаивают свое понимание правды и справедливости, моральных норм и в конечном счете своих гражданских позиций. Через 25 лет фактически так же поступает мой герой Гоша из фильма «Москва слезам не верит», хотя между теми юнцами, делавшими в жизни первые сознательные шаги, и умудренным опытом, прошедшим, видимо, не одно серьезное испытание человеком — разница колоссальная.

— Поговорим об их сходстве. Рабочие ребята 50-х годов, которых вы сыграли в начале актерского пути, и Гоша, рабочий 80-х годов. — Какую вы видите между ними связь?

— Думаю, что Гоша начал так же, как Журбин или Румянцев. Речь идет не об одинаковости профессий, а об общности поступков, об отношении к жизни.

Условно говоря, можно рассматривать Гошу как достигшего пятидесятилетнего возраста парня 50-х годов.

И тогда станет видно, что и в его частной судьбе, и в нашей жизни за это время многое произошло. Юноша 50-х годов оказался гораздо вдумчивее и серьезнее, чем казалось вначале: ну, был мальчик как мальчик, наивный и непосредственный, а потом — вон как повзрослел его судьба.

Два наиболее существенных фактора способствовали этой перемене.

Во-первых, наш герой вошел в непосредственную связь с мировой культурой: теперь он свободно цитирует Диоклетиана, а в его комнате бросается в глаза обилие книг. Он преломляет приобретенные знания применительно к себе и к конкретным ситуациям, а значит, прочувствовал, усвоил, сделал своим то, чему научился.

— А второй фактор?

— Мне он кажется еще важнее. Он возникает из утилитарного — человек хорошо работает. Причем не ради заработка, не для престижа, а потому, что работа для него интересна. Интерес толкает на собственные решения, углубленное знание своего дела, в конечном итоге — к совершенству. И когда такой человек сталкивается с техникой, созданной научно-технической революцией, он к этой встрече уже подготовлен и профессионально, и психологически и потому остается хозяином положения: не техника его подчинила, а он ее.

— Здесь обнаруживается очень важное для нашей страны общественное явление. Наиболее привычный критерий роста человека — его продвижение по должностной и служебной лестнице. Допустим, начал рабочим, стал мастером, потом начальником участка, цеха, наконец, руководителем предприятия. Пусть, в общем-то, типичный. Он, между прочим, воплощен в судьбе героини фильма «Москва слезам не верит» Кати. Но в нашем герое намечен иной показатель: служебное положение не играет для Гоши существенной роли.

— В том-то и дело. Теперь социальная категория «рабочий» претерпела большие изменения. Как отличить такого рабочего, как Гоша, от инженера? По уровню знаний? Я уверен, что в своей области он обладает инженерной эрудицией. По материальному положению? Он

зарабатывает не хуже. По культуре? Он истинный интеллигент. Престиж профессии? И здесь они равны. Вспомните: с мнением Гоши считаются ученые института, где он работает.

— Мне кажется, вы несколько торопитесь: процессы, которые только наметились, представляются вам уже завершающимися...

— Я вовсе не хочу сказать, что каждый рабочий сегодня похож на Гошу. Но таких, как он, немало. Этот тип не придуман, не вычислен, он пришел из реальности. Он жизнью сформирован и нынешним временем. Его позиции определены, своими поступками он их утверждает. Такой человек, как Гоша, твердо знает цену себе и своему делу, трезво оценивает мир, в котором живет. И я сегодня уже не могу играть так, как четверть века назад, — изменились люди, их стиль, манера поведения, расширился кругозор. В работу актера вмешивается, внося свои коррективы, время с его неостановимым течением, с новыми проблемами и общественными процессами.

— Насколько все эти теоретические посылки применяются на практике?

— Актерская профессия, в сущности, сводится к простейшему: надо уметь произнести чужие слова, как свои. За кажущейся простотой такого определения кроется сложный процесс — необходимо как-то «влезть» в человека, от имени которого ты говоришь и действуешь.

Для каждого исполнителя — это особый, порой неожиданный путь постижения эпохи страстей, чувств, мыслей — решительно всего, что составляет внутренний мир героев разных времен и народов.

Современные роли не составляют исключения, только реалии другие: вместо карет и лошадей — машины и самолеты, вместо кринолинов — мини- и макси-юбки, вместо записок и почтовых голубей — телефоны и телеграммы. А суть та же — людские страсти, характеры, воплощение которых требует всего, чем обладает актер — человек, художник, гражданин.